

НИКОЛАЕВ Николай Инполитович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории литературы Гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. Автор 70 научных публикаций, в т.ч. трех монографий

СВОЕОБРАЗИЕ ЭТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ АВТОРА И ГЕРОЯ В «ПРИГОЖЕЙ ПОВАРИХЕ» М.Д. ЧУЛКОВА

В статье представлен анализ памятника русской литературы XVIII века, раскрывающий особенности этических представлений автора и героя на фоне более ранней по времени русской «плутовской новеллы» и современного ему европейского «нравоописательного романа».

Ключевые слова: XVIII век, литературный герой, этические представления

Своеобразие этической позиции М.Д. Чулкова раскрывается на фоне русской плутовской новеллы переходного времени, относящейся как бы к одному с «Пригожей поварихой» жанровому полю. Исследователи «плутовского жанра», в частности, отмечают: «Отбрасывая церковное средневековое мировоззрение, подавляющее земные потребности реальной личности во имя религиозных абстракций, автор повестей типа “Фрола Скобеева” “освободился” вообще от отвлеченных идей, теоретических обобщений. Материальная жизнь в ее эмпирической данности воспринималась как единственная реальная ценность. Таким образом, отказ от церковной морали приводил к отказу от самой постановки этических проблем. Симпатии – не на стороне честного, а на стороне ловкого, удачливого героя. Его даже нельзя считать безнравственным, ибо нравственные проблемы для него не существуют и этические критерии к нему не применяются».

Соответственно герои делятся не на добрых и злых, а на удачливых и неудачливых, активных и пассивных, умных и ловких, хищников и простофиль¹.

Это довольно точная характеристика этических установок героя плутовской новеллы переходного времени. Он – «человек случая», а «случайное» – это то, что принципиально выпадало из сферы осмысления русской средневековой литературы, оставалось вне ее этической оценки. Соответственно и герой, ориентированный «на случай», не определялся в традиционно понимаемых категориях добра и зла. Но иная ситуация в сфере этических представлений сложилась в эпоху М.Д. Чулкова. В ту эпоху, когда в этических представлениях русского человека на фоне разрастающегося фаворитизма, нравственного разложения «случайное» все более втягивается в противопоставление богоосмысленному и богоугодному.

Это эпоха мучительного поиска возможностей соединения двух разошедшихся в своих основаниях этических систем, одна из которых вырастала из религиозно ориентированных представлений о добре и зле, а другая была обращена к жизненно-практическим целям и исходила из противопоставления активного и пассивного человека. «Пригожая повариха» М.Д. Чулкова – один из самых выразительных памятников этого времени, времени несбалансированного, противоречивого сосуществования различных этических императивов.

На неоднозначность, противоречивость образа главной героини произведения Мартоны, правда, в ином аспекте и в ином контексте рассуждений, обратил внимание весьма тонкий исследователь «Пригожей поварихи» М.Д. Чулкова И.А. Гурвич. В его интерпретации «...чулковская героиня ищет вину в себе, в своих дурных наклонностях – суетности, “сребролюбии”, жажде удовольствий. Она настроена на самообличение. Однако сказать, что “Мартона задним числом оценивает свое поведение с точки зрения добродетельной жизни” (В.П. Степанов), – недостаточно. Ее рассказ не однажды словно бы раздваивается: то вызывает осуждение как бесстыдный расчет, как проявление порочности, то демонстрируется как ловкая “бабья увертка”»². Действительно, Мартона удивляет постоянной сменой самооценок: от нравственного самоосуждения до упоения собственным успехом в однотипных в сущности ситуациях. И эта смена далеко не однозначно встраивается в логику нравственной эволюции Мартоны – от порока до добродетели. Она, скорее, следствие двух систем ценностей, в которых одновременно переживает себя героиня, двух систем координат, по-разному характеризующих, оценивающих мотивы ее поведения.

Стоит Мартоне обнаружить в себе религиозно-этические установки, и практически каждый ее жизненный шаг оказывается проявлением «беззакония», а сама она все более соответствует определению «развратной женщины», но как только она отвлекается от сверхличных критериев, в силу вступает какая-

то иная система этических представлений, с иным, во многом неожиданным, толкованием добра и зла, нравственного и порочного.

После мнимой гибели Свидаль, мучительного одиночества, печали о нем Мартоны и его неожиданного «воскресения», восторга любви, охвативших обоих, рассказчица на мгновение переходит к отвлеченным рассуждениям: «Должность только одна от начала света, и она принуждает нас к доброму, для того не всякому и мила, и так наделали мы произвольно разных должностей, которые обязуют нас ко всячине»³. Тем самым совершенно очевидно в повествование вводится противопоставление вечного и бренного, суетного. Бескорыстное переживание героиней безвременной кончины дорогого человека, описанное выше, тяготеет к полюсу «вечного» доброго. Но вот уже следующая фраза произносится с явной установкой на самообличение: «Из всех должностей выбрала я одну...». Осуждению подвергается суетное начало, вдруг восторжествовавшее в героине. Но в каких ее действиях оно себя обнаруживает? Строго по тексту, в вопросе к Свидалью о том, «каким образом освободился он от смерти». Совершенно, казалось бы, безобидный в отношении к нравственной характеристике Мартоны нейтральный вопрос, но в контексте чулковского повествования он означает ее заинтересованность в подробностях розыгрыша Ахалы, который некоторое время до того превзошел в «плутовском мастерстве» саму Мартону. Суетные страсти берут верх в Мартоне, и это немедленно высвечивается на фоне высших нравственных ориентиров. По сути, ею осуждается даже не плутовское действие, а только сочувствие тому, что удалось сделать Свидалью со своим соперником.

Но уже следующая часть повествования предлагает несколько иную расстановку нравственных аспектов. Мартона обретает подругу в лице жены некоего купца. Две женщины сошлись и «назвались сестрами», видимо, по характеру своих взглядов на жизнь и распутных нравов. Дом новой знакомой Мартоны, по характеристике рассказчицы, являл собой «любовную школу или дом беззакония. Впрочем, хозяйка имела передо всеми преимущество:

с кем бы какой кавалер ни начал свою любовь, то с хозяйкою непременно оную окончат...» (с. 184). Муж, который был для нее источником средств к существованию, одновременно оказывается некоторым препятствием в ее распутной жизни, и она ищет средств извести его. Все последующее повествование подчинено логике осуждения и наказания этого очевидного зла. Участником наказания этого «беззакония» становится и Мартона. Нравственные портреты двух распутных женщин в ходе этого явно противопоставляются. «Беззакония» Мартоны – всегда лишь средство к достижению благополучия, успеха, распутство жены купца – самоцель. В таком контексте позиция «пригожей поварихи» получает некоторое нравственное оправдание.

Осуждая и оправдывая свою героиню, М.Д. Чулков непоследователен в самих принципах оценки и оказывается как бы в двух измерениях, одно из которых учитывает высшие нравственные критерии, другое вбирает в себя поправку на будничное, земное существование. Приведем наблюдения И.А. Гурвича, удачно иллюстрирующие такую трактовку этической позиции, реализованной в романе: «...Эпизод первого свидания с богатым “господином”, – пишет он, – Мартона предвещает следующей сентенцией: “Чем больше убранства имеет женщина, тем больше в ней охоты бывает прохаживаться по городу, и от того наши сестры многие портятся и попадают под худые следствия”. Принадлежность этой сентенции добродетельной, морализирующей рассказчице несомненна. А вот как описана сцена свидания: “В таких случаях и я была не промах, и к счастью моему, что я не была еще тогда раздета, таким образом появилась к новому моему Аониду с торжественным лицом и благородною пошибкою, и правду сказать, что принята им была хотя не за Венеру, однако за посредственную богиню...”. Логика высказывания, направляемая самооценкой (“была не промах”) и модальными посылками (“к счастью моему”, “правду сказать”), передает позицию <...> Мартоны, соизмерявшей свои достоинства со своими плутовскими успехами»⁴.

Правда, для И.А. Гурвича это этическое раздвоение героини – следствие влияния западноевропейского авантюрно-бытового романа XVII–XVIII веков. Обращаясь к его структурным особенностям, он, в частности, отмечает: «Обычным для романа было такое его построение: герой выступает в роли рассказчика, и по воли автора устанавливается нравственное противостояние – рассказчик противостоит самому себе как персонажу, как действующему лицу. Рассказчик по замыслу – исправившийся, приобщившийся к добродетели грешник, и он для того и воскрешает свое порочное прошлое, чтобы произнести над ним суровый приговор. Однако сплошь и рядом минувшие события, а также сознание участника событий воссоздавались в их собственной логике и значении, как бы изнутри, а не извне. Автор и принимает, и словно отводит моралистическую точку зрения – она для него не вполне органична. По ходу повествования неизбежно должны были столкнуться оценочные суждения: нынешнее утверждаемое и прежнее, «плутовское» – громогласно отвергаемое и, тем не менее, действенное»⁵.

Зависимость М.Д. Чулкова, автора «Пригожей поварихи», от влияния европейского «нравоописательного романа» первой половины XVIII века (Прево, Мариво, Дефо, Филдинг) уже довольно давно стало общим местом исследований наблюдений. Гораздо более умеренно высказываются соображения об их различиях, в то время, как они имеют принципиальный характер.

Героев европейского романа упомянутого рода характеризует нравственная дистанция, отделяющая их не только от своего порочного прошлого, но и от всего мира, очевидно охваченного пороком. Они остро ощущают свою противоположность ему, ищут материальных условий оградить себя от его воздействия, освободиться от тяготящей необходимости внутренней борьбы с ним. И их «плутовское» прошлое вызывает симпатии в той мере, в какой оно несет в себе энергию сопротивления в несовершенном мире, энергию самосохранения, приближающуюся в своем пределе к задачам нравственного

самосохранения. И в тех и в других установках усматривается ощущение своей противоположности миру. Таким образом, это не воскрешение «сознания участника событий в их собственной логике и значении», как полагает И.А. Гурвич. Дистанция между героем рассказа и героем-рассказчиком всегда сохраняется. Сочувствие, соучастие возникает, скорее, на единой основе ощущения своей противоположности героя миру, как в его плутовском прошлом, так и в нравственной полноте его настоящего.

В «Пригожей поварихе» назидательное начало сводится практически на нет. Оно не оговорено даже во вступительном авторском слове (Обращение к «Его превосходительству...», «Предупреждение»), в то время как, например, в «Предупреждении» к «Манон Леско» Прево ему отведено центральное место: «Каждое событие, здесь излагаемое, есть луч света, назидание, заменяющее опыт; каждый эпизод есть образец нравственного поведения; остается лишь применить все это к обстоятельствам своей собственной жизни. Произведение в целом представляет собою нравственный трактат, изложенный в виде занимательного рассказа»⁶.

Нравственное дистанцирование от мира (именно от мира в его целом, а не ситуативно возникающая потребность дистанцироваться от частных проявлений этого мира) совершенно не актуально для чулковской «Пригожей поварихи». Внемирная, надмирная позиция не только представляется невозможной в его романе, но и откровенно осмеянной. Речь идет о завершающем текст эпизоде раскаяния и самоубийства Ахалю, чаще всего интерпретируемом исследователями в «серьезном» плане как изображение М.Д. Чулковым нравственного преображения («воскрешения») откровенно порочного в прошлом персонажа.

Что же в действительности произошло с Ахалем? Глубокая нравственная метаморфоза или очередная смена роли, маски? В соответствии с чулковским сюжетом он вновь появляется «на сцене» с письмом, обращенным к Мартоне, в котором настаивает на их встрече. Ахаль принял яд, и героиня спешит по ука-

занному в письме адресу. Дом Ахалю, который увидела Мартона, проясняет многое в его жизни. «Когда я вошла в комнату, — то вид оной представился мне весьма страшным: она обита была, как пол, так стены и потолок и, словом, все черною фланелью, кровать стояла с таким же занавесом, на котором положена была белая высечка, стол покрыт также черным, а другой стоял впереди; на оном виден был крест, под которым лежал череп человеческой головы и две кости, а перед образом стояла лампада. Ахаль сидел за столом и читал книгу, на нем был черный шлафрок и черный колпак с белою обивкою: он, читая, плакал чрезвычайно горестно» (с. 190–191).

Это описание жилища и одеяния Ахалю без особого труда позволяет установить источник его мистических настроений. Он в обрядовости и нравственно-философских исканиях масонов⁷. На это указывает и начало письма его к Мартоне: «Природа производит человека на свет с тем, чтоб по истечении коловратностей оного умереть, следовательно, никто избежать не может определенной сей части. Счастлив тот человек, который умирает благополучно и, не чувствуя никакой беды, оставляет сей свет без сожаления» (с. 190). Это почти цитата из многочисленных масонских рукописей. Бренность бытия, конечность земных радостей, ожидание смерти — излюбленные мотивы масонских рассуждений. За всем этим скрывается нравственное противостояние миру, мироотчуждение. Но в Ахале в полной мере этой надмирности нет. Сквозь дым его словесных пассажей просвечивает человек весьма прагматических жизненных установок с «плутовским прошлым». «Уверял я вас в моей жизни, — говорит перед смертью Ахаль Мартоне, — что я вас люблю, и при кончине оной то же подтверждаю. Вот вам крепость на сей двор, который я купил на ваши деньги; и она писана на ваше имя, вот вам и моя духовная; я безроден и отказал все сие имение вам. Сим свидетельствую, что вы мне были милы» (с. 191). Бескорыстный дар возлюбленной в признании Ахалю комически снижается упоминанием о том, что приобретен

он «на ее деньги», и передается ей потому, что влюбленный «безроден». Надо полагать, что если бы не было последнего обстоятельства, то акт передачи имения, видимо, и не состоялся. Приземлено-комический оттенок ощущается и в сцене появления Свидаль, когда «иступленного» героя прикрывают одеялом, «чтобы не сколько собрал он расточенного своего разума и лишился бы того ужаса, который почувствовал, увидевши убитого им Свидаль...» (с. 192).

Нравственная метаморфоза Ахалья, его раскаяние и стремление дистанцироваться от всего греховного в мире – всего лишь поза, и на этом М.Д. Чулков ненамного останавливает внимание своего читателя. В его романе нет ни одного персонажа, который нес бы в себе нравственный потенциал больший, чем это возможно и «нужно» в мире. Никто из них не стремится в целях нравственного самосохранения уйти от мира, огородиться от его пороков, создать уголок, свободный от суетных страстей. Это стремление весьма четко обозначено у их европейских литературных предшественников и современников. Но его нет даже в главной героине – рассказчице Мартоне. Она не отвечает характеристике «исправившейся грешницы», осуждающей себя в своем «плутовском прошлом». Ее этическое дистанцирование носит гораздо более мягкий характер, чем у европейских литературных предшественников.

Героиня, достигнув предельно возможной для себя в этическом поле романа нравственной ступени, по-прежнему оказывается бесконечно отдаленной от высшего нравственного мироотношения. Осознавая неполноту, безупречность своей этической программы, она обречена блуждать в лабиринте «случайного». В преде-

лах «случая» (ситуации) ее поступки находят оправдание, но в приближении к ценностям высшего порядка они раскрываются в своей ущербности. Представления об этих ценностях присутствуют в сознании героини, они непрерывно заявляют о себе в тексте в «обобщающих» сентенциях – автохарактеристиках Мартонь⁸. Но они не способны ни отменить, ни заменить жизненно-практических установок. Этическая двумерность героини делает произведение принципиально незавершенным. Прерванное М.Д. Чулковым повествование – акт, вероятно, не столько волевого, сколько вынужденного плана. Конец «Пригожей поварихи» при таких обстоятельствах просто не просматривается.

В отличие от плутовской новеллы «переходного времени» (типа «Фрола Скобеева») «Пригожая повариха» не отвлекается совершенно от «религиозных абстракций», «отвлеченных идей», «теоретических обобщений»: они обильно представлены в тексте в обобщающих сентенциях героини. «Материальная жизнь в ее имперической данности» не воспринимается здесь «как единственная реальная ценность»⁹. Но она и не отрицается в качестве таковой. М.Д. Чулков ведет свою героиню между двух несовместимых и, по-видимому, в его представлениях и представлениях читателей его времени, несовместимых в принципе этических полюсов, принимая эту противоположность как данность.

Для Чулкова и для его современников этическая биполярность и поиск адекватного ей типа поведения героя составляют одну из принципиальных особенностей художественных исканий и нравственной атмосферы эпохи.

Примечания

¹ Дмитриев Л.А., Лотман Ю.М. Новонайденная повесть XVIII века «История о португальской королевне Анне и гишпанском королевиче Александре» // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960. С. 494.

² Гурвич И.А. О развитии художественного мышления в русской литературе (конец XVIII – первая половина XIX в.). Ташкент, 1987. С. 37.

³ Чулков М.Д. Пригожая повариха, или похождения развратной женщины // Русская проза XVIII века. М.; Л., 1950. С. 182. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте с указанием страницы.

⁴ Гурвич И.А. Указ. соч. С. 37–38.

⁵ Там же. С. 36–37.

⁶ Аббат Прево. Манон Леско; де Лакло Ш. Опасные связи. М., 1967. С. 29.

⁷ «Темная хранина», череп и берцовые кости, тусклый свет и одеяние Ахаля явно восходит к масонской обрядности.

⁸ Серман И.З. Становление и развитие романа в русской литературе XVIII века // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX вв. М.; Л., 1959. С. 94.

⁹ Дмитриев Л.А., Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 494.

Nikolaev Nikolay Ippolitovich

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Humanitarian Institute in Severodvinsk

**PECULIARITY OF THE ETHICAL POSITION OF THE AUTHOR
AND THE PROTAGONIST IN *PRIGOZHAYA POVARIKHA*
(*COMELY COOK*) BY M.D. CHULKOV**

The article analyzes a work of the Russian literature of the 18th century, showing the peculiarities of ethic conceptions of the author and the protagonist, as compared to the chronologically earlier Russian «picaresque short story» and the European «moral novel» of that time.

Key words: 18th century, literary character, ethical views.

Контактная информация:

e-mail: nickolay.nick2012@yandex.ru; litera@sfpgu.ru

Рецензент – Фесенко Э.Я., кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы, заместитель директора по научной работе Гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске